

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.В. Левитов

О брачном союзе и его значении в области половых отношений

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1905. № 7. С. 65-84.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

О БРАЧНОМЪ СОЮЗѢ

и его значеніи въ области половыхъ отношеній.

ПОДА ПОЛТОРА тому назадъ въ нашей публицистикѣ былъ очень моднымъ вопросъ о бракѣ. Особенно можно указать на В. В. Розанова, написавшаго на эту тему массу статей и замѣтокъ. Такъ какъ мысли названнаго писателя затрогивали церковное ученіе о *тайнствѣ* брака, то на нихъ отзывались и духовные писатели. Ни одинъ богословскій журналъ не прошелъ молчаніемъ интересующаго общество вопроса. На религіозно-философскихъ собраніяхъ въ Петербургѣ происходили оживленныя пренія между духовными и свѣтскими ораторами, печатавшіяся затѣмъ въ «Новомъ Пути». Въ настоящее время интересъ къ брачному вопросу нѣсколько ослабѣлъ. Жизнь выдвинула новыя темы, особенно подъ вліяніемъ послѣднихъ событій огромной политической важности. Но надо думать, что брачный вопросъ отошелъ на задній планъ лишь временно, что онъ опять возобновится во всей своей остротѣ, по минованіи настоящаго напряженнаго момента государственной жизни. Это потому, что въ супружескомъ союзѣ сидѣтся такъ много различныхъ сторонъ и интересовъ, что онъ всегда одною изъ своихъ нитей будетъ затрогивать кого-либо и въ какомъ-нибудь отношеніи. Отсюда онъ всегда останется тѣмъ институтомъ, который будетъ привлекать къ себѣ вниманіе человѣчества, возбуждать всевозможные толки и вопросы.

Брачный союзъ мужчины и женщины есть прежде всего явленіе біологическое и имѣетъ огромную важность именно въ

этомъ отношеніи. Онъ есть средство размноженія человѣческаго рода, тотъ факторъ, который дѣлаетъ жизнь неувыдающей, создаетъ на мѣсто однихъ, сошедшихъ съ исторической сцены, новыя поколѣнія. Въ этомъ смыслѣ супружество существуетъ во всемъ органическомъ мірѣ, не только животномъ, но даже и растительномъ. Деревья ранней весной выбрасываютъ цвѣты, самки животныхъ ищутъ самцовъ, забывая въ моментъ напряженнаго состоянія полового инстинкта даже о потребности питанія. «Любовь и голодь, говоритъ Тургеневъ, два родныхъ брата, двѣ коренныхъ основы всего живущаго. Все что живетъ, движется, чтобы питаться, и питается, чтобы воспроизводить. Любовь и голодь — цѣль ихъ одна: нужно, чтобы жизнь не прекращалась собственная и чужая—все та же всеобщая жизнь» ¹⁾).

Въ мірѣ человѣческомъ брачный союзъ, какъ біологическій фактъ, имѣетъ двѣ стороны: фізіологическую и психологическую. Съ фізіологической точки зрѣнія онъ слгаается изъ—инстинктивнаго влеченія къ лицу другого пола, чувственнаго вождельнія, самаго совокупленія, сопровождающагося ощущеніемъ сладострастія; потомъ сюда же относятся: беременность, различныя болѣзни и т. п. Параллельно этимъ фізіологическимъ моментамъ половыхъ отношеній развивается и психологія супружества. На почвѣ полового инстинкта возникаетъ любовь—эмоція въ высшей степени сложная, состоящая изъ восхищенія красотою любимаго лица, его идеализаціи, волненія, нѣжности, чувства привязанности и др. Наконецъ, вмѣстѣ съ смѣшеніемъ органическихъ секретовъ происходитъ въ бракѣ сліяніе душъ, при чемъ мужская индивидуальность восполняется женскою и обратно. Та и другая образуютъ цѣльное гармонически полное человѣческое существо. Въ этомъ восполненіи лицами разнаго пола другъ друга хотятъ видѣть вторую цѣль брака, стоящую на ряду съ размноженіемъ человѣческаго рода. Помимо біологическаго, бракъ въ человѣческомъ обществѣ имѣетъ еще бытовое и государственное значеніе. Онъ есть основа семьи, а семья представляетъ собою ту ячейку, изъ которой развивается жизнь общественная и государственная. Неудивительно поэтому, что государство всегда присваивало себѣ право такъ или иначе регулировать брачныя отношенія, контролировать эту, повидимому, столь интимную сторону жизни.

¹⁾ „Стихотворенія въ прозѣ“.

Различныя ненормальности супружескаго союза могли имѣть дурныя слѣдствія не только для состоящихъ въ немъ мужчины и женщины, но и для ихъ дѣтей, а косвенно и для всего общества. Отсюда законъ запрещаетъ браки въ извѣстномъ возрастѣ, въ извѣстныхъ степеняхъ родства, требуетъ соблюденія различныхъ предбрачныхъ предосторожностей, опредѣляетъ взаимныя права мужа, жены и дѣтей и т. д. Наконецъ, у всѣхъ почти народовъ бракъ разсматривался съ религіозной точки зрѣнія и имѣлъ религіозную санкцію. Въ христіанствѣ (католициствѣ и православіи) онъ признается таинствомъ, если только освящается чиномъ вѣнчанія. Чрезъ послѣднее естественный союзъ мужчины и женщины становится, по ученію церкви, благодатнымъ союзомъ во образъ соединенія Христа съ церковью.

Уже изъ сказаннаго видно, что о бракъ, въ широкомъ и узкомъ значеніи этого слова, можно разсуждать съ различныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія фізіологической, анатомической, юридической, эконолической, психологической, нравственной, религіозной. Равнымъ образомъ можно поставить вопросъ объ отношеніи между всѣми этими сторонами брачнаго союза и объ ихъ надлежащемъ разграниченіи.

Задача настоящаго очерка болѣе скромная. Мы хотѣли бы только разсмотрѣть нравственно-религіозную сторону брака, касаясь другихъ его сторонъ лишь постольку, поскольку это необходимо для достиженія прямой, поставленной нами цѣли. При этомъ мы будемъ разсуждать стоя на христіанской точкѣ зрѣнія. Въ частности мы попытаемся рѣшить слѣдующіе вопросы:

1. Дурно или` хорошо то ощущеніе сладострастья, которымъ сопровождается совокупленіе, внѣ брака, и если дурно, то почему?

2. Должно ли было бы размноженіе человѣчества происходить тѣмъ способомъ, которымъ оно теперь происходитъ и въ томъ случаѣ, если бы не было грѣхопаденія прародителей, или же тогда оно совершалось бы какъ нибудь иначе. А въ связи съ этимъ вопросомъ стоитъ другой: возможно ли было ощущеніе сладострастья въ состояніи невинности; если возможно, то было ли оно дурно или нѣтъ, и если не было, то почему.

3. Въ чемъ собственно заключается освящающее значеніе брака, какъ таинства, превращается ли въ христіанскомъ супружествѣ ощущеніе сладострастія изъ дурного въ хорошее,

если превращается, то какимъ образомъ это возможно, а если нѣтъ, то въ чемъ же тогда будетъ состоять дѣйственность таинства.

4. Если нѣкоторый элементъ скверны остается и въ бракѣ, то какимъ образомъ церковь допускаетъ бракъ.

5. Если въ бракѣ все «до дна» чисто, то имѣетъ ли предъ нимъ какое либо преимущество состояніе дѣвства или нѣтъ.

Для разрѣшенія перваго вопроса необходимо обратиться къ анализу общечеловѣческаго нравственнаго сознанія. Этотъ анализъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что плотское вожделѣніе, иначе ощущеніе сладострастія, дурно и унижительно для человѣка. Доказательствомъ этого служить чувство стыда, непосредственно связанное съ половыми функціями. Мы тщательно скрываемъ эти послѣднія и даже считаемъ неприличнымъ упомянуть о нихъ въ разговорѣ. Все, что имѣетъ хоть малѣйшее отношеніе къ этой области, затрогиваетъ нашу стыдливость и поэтому обыкновенно прикрывается завѣсою нѣкоторой тайны. Наши похотливыя мысли и желанія мы хранимъ обычно на самомъ днѣ нашей души, тщательно скрывая ихъ отъ другихъ. Невинность дѣтей мы цѣнимъ особенно высоко именно потому, что имъ незнакомы томленія плотской похоти; напротивъ, сладострастники возбуждаютъ въ насъ презрѣніе и гадливость. Такое же впечатлѣніе производятъ и продажныя женщины. Дѣвушка, утратившая цѣломудріе до брака, признается опороченной и утратившей право на уваженіе общества. Законодательство всѣхъ культурныхъ народовъ ограждаетъ стыдливость каждаго изъ членовъ государства постановленіями, запрещающими безстыдныя дѣйствія, считаетъ преступнымъ раздраженіе чувственности и преслѣдуетъ порнографію. Наконецъ, религіи, какъ древнія, такъ и новѣйшія, всегда считали сладострастіе грѣхомъ, а христіанская аскетика видитъ въ немъ даже корень всѣхъ другихъ пороковъ. Ни одна страсть не бичуется такъ въ святоотеческой литературѣ и въ богослужебныхъ книгахъ православной церкви, какъ похоть плоти. Можно сказать, что почти всѣ усилія христіанскихъ подвижниковъ представляютъ изъ себя не что иное, какъ борьбу съ нею.

Такимъ образомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что половая похоть отрицательно квалифицируется нашимъ нравственнымъ сознаніемъ. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, почему это такъ. Антиморальный характеръ жесто-

кости, воровства, убійства понятенъ, такъ какъ всѣ эти преступленія, увеличивая сумму человѣческихъ страданій, служатъ явнымъ расадникомъ зла въ мірѣ. Но почему дурно то въ высшей степени сладостное ощущеніе, которое, повидимому, даетъ человѣку моменты самаго интенсивнаго и жгучаго удовольствія. Существуютъ различныя рѣшенія этого вопроса, но всѣ они могутъ быть сведены къ двумъ типамъ: одни стараются объяснить безнравственный характеръ сладострастія исходя изъ аскетическаго принципа морали, другіе изъ альтруистическаго. По нашему мнѣнію, необходимо соединить то и другое. Если мы вникнемъ во внутренній характеръ половыхъ отношеній, то увидимъ, что сфера чувственности есть именно та область, которая всего болѣе опасна для духа и стремится поглотить его. Борьба съ похотью плоти чрезвычайно трудна и требуетъ напряженія всѣхъ силъ человѣка. Связь между физиологическими процессами разсматриваемой функціи и воображеніемъ самая тѣснѣйшая. Малѣйшее раздраженіе чувственности аффицируетъ душу, равно какъ и наоборотъ любострастные мысли возбуждаютъ половой инстинктъ. Послѣдній до такой степени можетъ возобладать надъ духомъ, что онъ сдѣлается полнѣйшимъ рабомъ чувственности. Во время самаго акта совокупленія человѣкъ находится какъ бы въ безсознательномъ состояніи: его разумъ и воля бываютъ совершенно подчинены наосу сладострастія. А такъ какъ при нормальномъ порядкѣ вещей духъ долженъ господствовать надъ плотію, а въ данномъ случаѣ это отношеніе между разумомъ и чувственностью извращается, то наше нравственное сознание и признаетъ половой актъ дурнымъ и постыднымъ. «Плотское условіе размноженія, говоритъ Вл. Соловьевъ, для человѣка есть зло; въ немъ выражается перевѣсъ безмысленнаго матеріальнаго процесса надъ самообладаніемъ духа, это есть дѣло противное нравственному достоинству человѣка»¹⁾.

Въ половой любви два лица—мужчина и женщина—стремятся соединиться другъ съ другомъ, слиться въ одно духовное цѣлое, образовавъ, такимъ образомъ, гармонически полное человѣческое существо. На почвѣ этого стремленія возникаетъ могучая, въ высшей степени интенсивная эмоція, часто всецѣло поглащающая личность человѣка. И что же оказывается? Восхищеніе предъ красотою, обожаніе личности, поставленіе

¹⁾ Оправданіе добра. стр. 84. Москва, 1899.

счастія всей жизни отъ «да» или «нѣтъ» любимаго существа— все это, вмѣсто психическаго сліянія душъ, разрѣшилось, по выраженію Соловьева, соприкосновеніемъ оболочекъ и смѣшеніемъ органическихъ секретовъ. Именно вслѣдствіе этого, удовлетвореніе влюбленными своей страсти обыкновенно полагаетъ конецъ первому эстетически прекрасному періоду любви и сопровождается горькимъ разочарованіемъ. Припомнимъ то состояніе мучительнаго стыда, которое испытывали Анна Коренина и Вронскій послѣ своего паденія. «Онъ чувствовалъ то, что долженъ чувствовать убійца, когда видитъ тѣло, лишенное имъ жизни. Это тѣло, лишенное имъ жизни, была ихъ любовь, первый періодъ ихъ любви. Было что-то ужасное и отвратительное въ воспоминаніяхъ о томъ, за что было заплачено этою страшною цѣною стыда». То прекрасное, поэтическое чувство, которое казалось имъ высшею прелестью жизни, разрѣшилось актомъ минутнаго, чисто физическаго единенія, того единенія, къ которому способны даже животныя. Прежде имъ казалось, что любовь ихъ есть нѣчто идеальное, неземное, что имъ откроется цѣлый міръ невыразимаго счастья, ради котораго можно пожертвовать всѣмъ. И вотъ послѣдняя цѣль ихъ отношеній достигнута, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало очевиднымъ, что всѣ ихъ любовные вздохи, порыванія и томленія, всѣ радости и муки обожанія, всѣ формы ухаживанія, подчасъ очень одухотвореннаго, разрѣшились вмѣсто духовнаго сліянія далеко не эстетичнымъ, чисто матеріальнымъ процессомъ сонтія.

Въ половой области человѣкъ всего болѣе склоненъ къ излишествамъ, губельнымъ для его физическаго и духовнаго здоровья. Здѣсь же открывается возможность противоестественныхъ пороковъ и вкусовъ. Отрицательное отношеніе нашего нравственнаго сознанія къ этимъ крайнимъ проявленіямъ сладострастія, помимо ихъ эстетически отвратительнаго характера, заключается въ предчувствіи тѣхъ страданій, которыя они влекутъ за собою. Необузданное сладострастіе дѣлаетъ человѣка большимъ, вялымъ, разстраиваетъ его нервную систему, отравляетъ настроеніе, сопровождается разстройствомъ умственныхъ способностей, развиваетъ въ немъ инстинктъ жестокости. Настоящій развратникъ не можетъ быть ни счастливымъ, ни полезнымъ для другихъ людей. Онъ становится въ концѣ умственнымъ и нравственнымъ уродомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и физической развалиной. Такъ дѣйствуетъ крайняя сте-

пень разврата. Но и въ болѣе умѣренной степени онъ портитъ человѣка, отнимаетъ у него силы, которыя могли бы быть употреблены на служеніе обществу. Наконецъ, сладострастникъ не можетъ смотрѣть на цѣлую половину человѣческаго рода нормальнымъ, здравымъ окомъ. Въ женщинѣ онъ прежде всего видитъ не человѣка, а предметъ вождельбія и источникъ любострастныхъ наслажденій. Всѣ его отношенія къ другому полу опредѣляются этимъ основнымъ настроеніемъ. Связь жестокости съ сладострастьемъ въ его наиболѣе уродливыхъ формахъ психологически мало понятна, но тѣмъ не менѣе составляетъ несомнѣнный, установленный психологическій фактъ. Такіе деспоты, какъ Неронъ, были въ то же время любителями разврата и всѣ типичные сладострастники обычно являются деспотами ближайшихъ подчиненныхъ имъ лицъ.

Но не только противоестественные пороки и половыя излишества, а и всякое вообще удовлетвореніе чувственности вносить въ человѣческій организмъ начало разложенія, вѣроятно потому, что при данномъ состояніи человѣческой природы оно никогда не бываетъ вполне здоровымъ и нормальнымъ. Параллельно охлажденію интенсивности чувства, послѣ взаимнаго физическаго соединенія лицъ разнаго пола, начинается и увяданіе красоты, особенно въ женщинѣ. Сдѣлавшись любовницей Вронскаго, Анна Каренина и «нравственно и физически измѣнилась къ худшему. Она вся расширѣла и въ лицѣ ея появилось искажавшее его выраженіе. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ смотритъ человѣкъ на сорванный имъ и завядшій цвѣтокъ, въ которомъ онъ съ трудомъ узнаетъ ту красоту, за которую онъ сорвалъ и погубилъ его. Правда, это уменьшеніе красоты любимой женщины бываетъ преимущественно субъективнымъ. Вмѣстѣ съ ослабленіемъ идеализаціи и большимъ сближеніемъ проходитъ эстетическій восторгъ, который нуждается въ нѣкоторой отдаленности предмета, не позволяющей разсмотрѣть его детали. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя отрицать того, что и объективно ощущеніе сладострастья вносить въ человѣческое тѣло измѣненіе къ худшему. Въ человѣкѣ, утратившемъ цѣломудріе, замѣчается «ущербъ, изнеможеніе и во всемъ та краткая улыбка увяданія, что въ существѣ разумномъ мы зовемъ возвышенной стыдливостью страданія». Эти слѣды «изнеможенія» заставили Вронскаго смотрѣть на Анну, какъ на сорванный цвѣтокъ, въ которомъ онъ не узнавалъ красоты, за которую погубилъ его. Удовольствія чувственности

разслабляют организмъ, искажаютъ черты лица, измѣняютъ его выраженія къ худшему. А у женщины сюда присоединяется беременность, часто превращающая красоту въ безобразіе. Все это, въ связи съ болѣзненностью дѣторожденія, отнимаетъ у половыхъ отношеній ихъ эстетическій ароматъ и заставляетъ стыдиться ихъ обнаруженія. Наконецъ—и это самое главное—сладострастье признается нами дурнымъ потому, что оно можетъ сопровождаться весьма вредными послѣдствіями для другихъ людей и, слѣдовательно, угрожаетъ опасностью альтруизму. Именно на почвѣ половой страсти всего чаще возникаютъ всевозможные трагическіе эпизоды вплоть до убійствъ и самоубійствъ. Мы уже не говоримъ о случаяхъ изнасилованія, подневольныхъ бракахъ и тому подобныхъ, во всякомъ случаѣ исключительныхъ фактахъ, укажемъ лишь на тѣ страданія, которыя часто влечетъ за собою такъ называемая половая любовь. Обѣ стороны, когда еще только загорается заря взаимнаго чувства, надуются, что оно будетъ продолжаться вѣчно. А между тѣмъ въ дѣйствительности этого никогда не бываетъ. Въ то время какъ одна сторона привязывается все болѣе и болѣе, другая охлаждается, при чемъ мѣсто любви иногда заступаютъ ненависть и отвращеніе. Къ чисто внутреннимъ мукамъ, которыя въ такомъ случаѣ долженъ испытать одинъ изъ влюбленныхъ, сюда присоединяются. вслѣдствіе различныхъ условій соціальной жизни, стыдъ и позоръ отъ людей, иногда даже бѣдность, болѣзни, потеря добраго имени и извѣстнаго общественнаго положенія. Припомнимъ, сколько несчастныхъ дѣвушекъ являются жертвами своей неразумной любви, припомнимъ страданія оболыщенной Фаустомъ Маргариты, «бѣдной Лизы», Вѣры изъ «Обрыва». Анны Карениной. Всѣ онѣ тяжелою цѣною должны были расплачиваться за мигъ увлеченія, искупить позоромъ, иногда жизнью, мигъ блаженства.

Но если сладострастье признается нами нравственно дурнымъ, то какимъ образомъ было возможно оно тогда, когда еще люди находились въ состояніи невинности? Носило ли это ощущеніе какой-нибудь иной характеръ, исключаящій всѣ его имморальные элементы, или его совсѣмъ тогда не было? Если принять послѣднее предположеніе, то возникнетъ новый вопросъ: обуславливалось ли бы отсутствіе сладострастныхъ ощущеній въ случаѣ сохраненія людми невинности иной физиологіей полового акта, или же эта физиологія была бы и

тогда такую же, какою она остается теперь, но только физическому процессу соответствовало бы какое нибудь особенное, болѣе возвышенное и благородное душевное состояніе. На всѣ эти вопросы существуютъ различныя отвѣты.

Есть мнѣніе, по которому, если бы люди остались безгрѣшными, способъ размноженія человѣческаго рода былъ бы совсѣмъ инымъ. «Мы необходимо *должны* допустить, разсуждаетъ Рунъ въ «Мірѣ Искусства», что въ безгрѣшномъ состояніи человѣка, въ условіяхъ *цѣльности* бытія не расколотого грѣхопаденіемъ, извѣстенъ былъ методъ какого-то безконечно нѣжнаго прилѣпленія человѣка къ женѣ. Въ этомъ методѣ не было ничего грубаго, жестокаго, оскорбительнаго. Напротивъ, въ немъ заключалось какое-то неизъяснимое благородство, какая-то непередаваемая утонченность. Какъ логическое слѣдствіе такого порядка вещей—*страданія* любви ни въ какомъ моментѣ, ни въ какой даже самой слабой степени, не были возможны. Ущербъ, изнеможеніе, увяданіе—всѣ эти атрибуты страданія не были извѣстны первозданному человеку. Упругость формъ и красота линій тѣла оставались неизмѣнными. Только при такихъ условіяхъ было возможно, что «и были оба нага, Адамъ и жена его, и не стыдились» ¹⁾).

Разбирая изложенный взглядъ Рунъ, В. Розановъ полагаетъ, что *modus* размноженія по грѣхопаденіи не могъ перемѣниться, такъ какъ физиологія его неотдѣлима отъ анатоміи, и мы не имѣемъ ни малѣйшаго даннаго въ словѣ Божіемъ для заключенія, что съ грѣхопаденіемъ *прибавилась* или *убавилась* анатомія человѣка. Напротивъ, что она не перемѣнилась—указанія на это есть и, значить, *предназначенно дано* въ словѣ Божіемъ: «они (согрѣшившіе) взяли листья и *закрылись*, т. е. покрыли то, *что было*» ²⁾). Хотя послѣднее заключеніе и не можетъ быть признано логически состоятельнымъ, но все же нельзя не согласиться, что въ Библии нѣтъ никакихъ основаній для предположенія объ измѣненіи съ грѣхопаденіемъ самой структуры человѣческаго тѣла, объ уничтоженіи или возникновеніи какихъ-либо новыхъ органовъ. Такое внезапное анатомическое измѣненіе въ организациі нашихъ прародителей явилось бы чудомъ, но прибѣгать къ послѣднему безъ особенной нужды, когда объяснить извѣстный фактъ можно и есте-

¹⁾ „Міръ Искусства“, 1903, № 5, стр. 154.

²⁾ „Нов. Путь“, 1903, № 3, стр. 151.

ственнымъ путемъ,—значило бы пользоваться далеко не научнымъ методомъ.

Съ точки зрѣнія слѣдующаго взгляда, хотя способъ размноженія человѣческаго рода у людей не согрѣшившихъ съ вѣишней стороны и былъ бы тѣмъ же самымъ, какимъ онъ является теперь, но только половой актъ въ такомъ случаѣ не сопровождался бы тѣмъ ощущеніемъ сладострастія, которое дѣлаетъ его постыднымъ и дурнымъ въ настоящее время. Задача христіанскаго брака въ томъ, между прочимъ, и состоитъ, чтобы уничтожить въ человѣкѣ огонь похотливаго желанія и сдѣлать совокупленіе между супругами свободнымъ отъ эротическаго пафоса. Такого мнѣнія держатся преимущественно нѣкоторые духовные писатели, напримѣръ, протоіерей Соллертинскій и іеромонахъ Михаилъ. По словамъ перваго, «Новый Заветъ смотритъ очень высоко на брачную жизнь, но онъ безспорно не считаетъ вѣинымъ въ философскомъ отношеніи, не считаетъ основнымъ, существеннымъ тотъ физическій элементъ, который до сихъ поръ хотя и есть въ нашемъ брачномъ сосуществованіи, но не одно Св. Писаніе находитъ его ненужнымъ. Посмотрите на растенія, тамъ плодъ есть и плодъ этотъ не что иное, какъ результатъ брачнаго процесса, замѣчаемаго среди растеній, но сладострастія здѣсь нѣтъ. Это и подобное не есть ли указаніе на то, что людямъ въ брачной ихъ жизни надо подвигаться къ этому дѣйствительно очищенному состоянію, о которомъ Спаситель и Писаніе безспорно учатъ» ¹⁾. По взгляду о. Михаила, средствомъ къ подавленію сладострастія въ бракѣ должна явиться мысль о будущемъ ребенкѣ, которая необходимо предносится мужу и женѣ въ ихъ отношеніяхъ. «Высшее напряженіе любви къ будущему творенію, единомысліе душъ и тѣлесь, высшее желаніе создать лучшую себя жизнь, замѣстителя на аренѣ служенія людямъ и церкви, и выражается въ полубезсознательномъ актѣ единенія». «Человѣкъ долженъ не смотрѣть съ вождельніемъ даже на собственную жену. Огромнымъ напряженіемъ психическихъ силъ человѣкъ долженъ возвратитъ себѣ потерянную невинность, чтобы погасъ въ его взорѣ навсегда огонь похотливаго желанія, которое всегда не чисто, на какую бы женщину ни было направлено» ²⁾.

¹⁾ „Нов. Путь“, 1903, № 9, стр. 355—356.

²⁾ „Нов. Путь“, 1903, № 6, стр. 252—53.

Трудно согласиться и съ изложеннымъ взглядомъ. Какъ справедливо выражается Розановъ, фізіологія брака тѣсно связана съ его анатоміей. Отсюда, если мы допустимъ, что половое общеніе между мужчиной и женщиной и въ состояніи невинности должно бы было происходить такъ, какъ оно происходитъ теперь, то необходимо должны допустить и то, что оно не могло не сопровождаться оцущеніемъ сладострастія. Профессоръ о. Соллертинскій указываетъ на цвѣточное размноженіе. Но во 1) брачный процессъ въ мірѣ растительномъ имѣетъ совсѣмъ иную анатомію и фізіологію, чѣмъ въ человѣческомъ, а во 2) кто знаетъ, если бы растенія обладали сознаніемъ, то, быть можетъ, и они испытывали бы нѣчто въ родѣ сладострастія. По крайней мѣрѣ въ мірѣ животномъ оно несомнѣнно существуетъ. Думать, что актъ совокупленія при идеальномъ состояніи человѣческой природы не долженъ сопровождаться страстностью, значить допускать нѣчто противоестественное, — предполагать, что фізіологическому процессу можетъ не соотвѣтствовать никакого психическаго эквивалента. По выраженію Розанова «въ міровой планъ рожденія, безъ коего оно абсолютно не можетъ совершаться, введены элементы: 1) любованія другъ другомъ, 2) ласканія однимъ другого, 3) пѣжности, 4) восхищенія, 5) довѣрія и, чѣмъ ближе къ самому акту, 6) чувственнаго пожеланія. Рѣшительно невозможно сліяніе половъ безъ этихъ чувствъ. Они присущи даже ласкающимъ животнымъ и еще шире развиты у человѣка... Соединеніе даже механически невозможно безъ сильнаго прилива крови къ половой сферѣ, что уже образуетъ наличность чувственности, то, что обзывается у богослововъ порицательнымъ словомъ «похоть» ¹⁾). При этомъ доказано наукою и опытомъ, что «страстность есть печать настоящей, богатой, творческой, рождающей силы, почерпаемой изъ горнила природы, тамъ, гдѣ нѣтъ ея, не рождается ни красоты, ни генія» ²⁾).

Правда, на основаніи нѣкоторыхъ психическихъ данныхъ мы можемъ предполагать, что иногда нервнымъ раздраженіямъ можетъ не соотвѣтствовать душевныхъ движеній, но это факты во всякомъ случаѣ исключительные, такіе, изъ которыхъ нельзя дѣлать какого-либо общаго вывода. Когда наша душа бываетъ всецѣло поглощена какимъ либо психическимъ феноменомъ, мы

¹⁾ Нов. Путь 1904, № 4-й, стр. 189.

²⁾ Нов. Путь 1903, № 2 стр. 246.

не замѣчаемъ боли и остаемся глухи къ виѣшнимъ впечатлѣніямъ. Христіанскіе мученики въ моменты высшаго религіознаго одушевленія, пренебрегая самую природу, испытывали чувство величайшаго блаженства, подвергаясь истязаніямъ. Ихъ тѣло становилось какъ бы не чувствительнымъ къ боли, раздраженіямъ нервной системы не соотвѣтствовало психическихъ эквивалентовъ. Вотъ нѣчто подобное, казалось бы, мы могли допустить и по отношенію къ половому акту. Быть можетъ въ состояніи невинности людей высшая духовная жизнь была въ нихъ такимъ сильнымъ ключемъ, что ощущенія сладострастья, какъ психическаго факта вовсе въ нихъ не было, хотя фізіологія размноженія и была совершенно тождественна съ настоящей, подобно тому, какъ въ мученикахъ въ нѣкоторыя минуты религіозной экзальтаціи не было боли при наличности соотвѣтственныхъ физическихъ факторовъ. Но въ высшей степени трудно предположить, чтобы при нормальномъ состояніи человѣческой природы существовала такая дисгармонія между тѣломъ и духомъ. Да въ такомъ предположеніи и нѣтъ рѣшительно никакой нужды. Дѣло въ томъ, что ощущеніе сладострастья не можетъ быть признано безирравственнымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ, напримѣръ, это можно сказать относительно жестокости. Въ то время, какъ послѣдняя есть нѣчто безусловно дурное, въ первомъ есть какъ будто и хорошіе элементы. Обращая вниманіе на эту сторону дѣла, мы можемъ придти къ такому рѣшенію поставленнаго нами вопроса, т. е. о возможности сладострастья въ состояніи невинности: плотское вожденіе и страстность должны бы были сопровождать половой актъ и въ томъ случаѣ, если бы не было грѣхопаденія прародителей, но только въ такомъ случаѣ ощущеніе сладострастья было бы лишено тѣхъ элементовъ, которые дѣлаютъ его въ настоящее время антиморальнымъ. Въ немъ осталось бы лишь то, что теперь дѣлаетъ его радостнымъ и пріятнымъ. Вслѣдствіе этого похоть плоти не сопровождалась бы тѣми страданіями для самаго индивидуума и для другихъ людей, которыми она сопровождается теперь. Задача христіанскаго брака въ томъ именно и состоитъ по отношенію къ половому акту, чтобы, не уничтожая существа сладострастья и его пріятности, очистить его отъ тѣхъ ядовитыхъ элементовъ, которые присущи ему въ настоящее время.

А что сладострастье не безусловно дурно, что въ немъ есть нѣкоторые элементы, имѣющіе положительную цѣнность

съ точки зрѣнія идеи совершенства,—это подтверждается многими соображеніями. Такъ, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что разсматриваемое ощущеніе составляетъ необходимое условіе размноженія человѣческаго рода. Отсюда, разъ мы считаемъ добромъ самую жизнь, то не можемъ видѣть зло въ томъ, что является источникомъ ея продолженія. Вмеѣстѣ съ тѣмъ сладострастіе, возникающее изъ половой потребности, есть нѣчто безусловно естественное для человѣка, необходимо вытекающее изъ физиологій и анатоміи его тѣла. А это обстоятельство невольно выдвигаетъ вопросъ, можетъ ли считаться безнравственнымъ то, что составляетъ органическое свойство нашей природы и отъ чего мы освободиться не можемъ? Если весь кругъ актовъ размноженія и относящихся сюда эмоцій сопровождается чувствомъ стыда, то все же легко замѣтить, что послѣднее по своему внутреннему качеству отличается отъ тѣхъ угрызеній совѣсти, которыя возбуждаются поступками изъ области любви къ ближнимъ. Въ первомъ случаѣ на ряду съ сознаніемъ недолжнаго чувствуется что-то притягательное и сладостное, въ послѣднемъ—внутреннія терзанія не окрашиваются ничѣмъ. Но этого мало. Половое наслажденіе представляется человѣку самымъ интенсивнѣйшимъ изъ всѣхъ наслажденій, доступныхъ ему, а возникающая подъ вліяніемъ физиологическаго инстинкта любовь къ лицамъ другого пола считается прекраснѣйшимъ цвѣткомъ жизни, ея лучшею радостью. Именно она сообщаетъ особенную прелесть молодости, освѣщая и согрѣвая юные годы яркими, разноцвѣтными лучами тепла и свѣта. Лучи эти, дробясь и переливаясь въ различныхъ варіаціяхъ, бросаютъ отсвѣтъ и на всю послѣдующую жизнь человѣка, въ воспоминаніяхъ котораго любовныя радости окружаются какимъ-то особеннымъ ореоломъ красоты и счастья. Обратимъ, наконецъ, вниманіе на слѣдующій фактъ. То самое удовлетвореніе полового инстинкта, которое признается постыднымъ внѣ извѣстныхъ рамокъ, съ точки зрѣнія большинства перестаетъ быть таковымъ въ предѣлахъ супружескаго союза. Послѣдній освящается христіанскою церковью, признающей, что «бракъ честенъ и ложе не скверно». Но можетъ ли быть освящено истинной религіей то, что само по себѣ безусловно дурно? Чтобы убѣдиться въ необходимости отрицательно отвѣтить на этотъ вопросъ, представимъ себѣ на минуту существованіе въ церкви такого акта, который бы уничтожалъ безнравственный харак-

теръ убійства, жестокости, клеветы и тому подобныхъ грѣховъ противъ альтруизма. Мы чувствуемъ, что это совершенно невозможно, что всякія проявленія ненависти, вражды, коварства не могутъ измѣнить своего характера никакою санкціей, что принятіе ихъ подъ свою защиту извѣстнымъ религіознымъ ученіемъ явилось бы вѣрнѣйшимъ признакомъ ложности этого послѣдняго. Грѣхи чувственности находятся совсѣмъ въ иномъ положеніи. Если сегодня для людей дѣвухнѣ было стыдно даже цѣловаться съ мужчиной, то завтра, обвѣнчавшись съ нимъ, она съ спокойною совѣстью можетъ дѣлать съ нимъ ложе и никто не найдетъ въ этомъ чего-либо предосудительнаго. Изъ всего этого очевидно, что въ то время какъ дѣйствія и настроенія противныя любви къ ближнимъ осуждаются нами безусловно, различныя проявленія полового инстинкта признаются имморальными лишь условно, считаются постыдными лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Надо думать, что въ состояніи невинности способъ размноженія человѣчества былъ такимъ же, какимъ онъ остается теперь, и также сопровождался въ высшей степени сладостнымъ ощущеніемъ, но только это послѣднее было лишено тѣхъ элементовъ, которые въ настоящее время дѣлаютъ его дурнымъ и постыднымъ. Эти элементы уже были нами указаны. Въ настоящее время сладострастіе признается нами дурнымъ потому, что оно 1) подчиняетъ духъ плоти, 2) не всегда бываетъ естественнымъ, 3) вноситъ въ человѣческій организмъ начало разложенія, изнеможенія и увяданія, 4) угрожаетъ опасностью для альтруизма. Ничего подобнаго не могло быть до грѣхопаденія. Тогда между духовною и физическою стороною нашего существа была полная гармонія и ни одинъ фізіологическій актъ не могъ нарушить равновѣсія между психикой и тѣломъ. Въ настоящее время, подобно тому, какъ питаніе часто превращается въ обжорство, такъ и половая потребность проявляется въ формѣ чрезмѣрной похотливости и страстности. Въ состояніи невинности она занимала опредѣленное мѣсто, не нарушая общей цѣлости человѣка; не занимая господствующей роли въ его жизни. Эту цѣль, между прочимъ, въ настоящее время преслѣдуетъ бракъ. По замѣчанію профессора Соллертинскаго, благодать, подаваемая въ этомъ таинствѣ, является могучимъ орудіемъ противъ сладострастія, разлагая эту силу и вводя ее въ извѣстные предѣлы»¹⁾). При нормаль-

¹⁾ „Нов. Путь“, 1903 г., № 9, стр. 354.

номъ супружествѣ половая функція занимаетъ въ семейной жизни скромное мѣсто, выдвигая на первый планъ высшіе, чисто духовные элементы. Она не препятствуетъ жизни духа, подобно тому, какъ не мѣшаетъ ей удовлетвореніе аппетита или потребности дыханія. Наоборотъ, впѣ брачной регламентаціи половой инстинктъ можетъ выражаться въ формѣ распухлости и эротоманіи, захватывающей всѣ силы духа, тормозящей и портящей умъ, волю и сердце. Мысли, чувствованія, желанія, намѣренія сладострастника окрашиваются похотливостью и теряютъ свою свѣжесть и моральную чистоту. Все это не было возможно до грѣхопаденія и къ уничтоженію всего этого клонится христіанскій бракъ.

Въ состояніи невинности удовлетвореніе полового инстинкта было безусловно естественнымъ, тогда какъ въ настоящее время оно часто носитъ характеръ болѣзненный, ненормальный. Существуетъ даже мнѣніе, что мы стыдимся въ половой сферѣ именно этихъ противоестественныхъ элементовъ. Такъ, по мнѣнію Вл. В. Успенскаго, трудно допустить, чтобы стыдъ былъ неискоренимою, вѣчною собственностью нашей природы. Не естественнѣе ли думать, что эта особенность есть явленіе преходящее, что возможна брачная чистота и невинность, въ которой нѣтъ мѣста стыду,—не потому, чтобы это было безстыдствомъ, а потому, что нѣтъ того, чего должно стыдиться. Если стыдъ есть одно изъ отличій человѣка отъ животнаго, то это отличіе скорѣе не къ чести человѣка и доказываетъ лишь то, что у животнаго проявленія родового инстинкта сравнительно съ человѣкомъ естественнѣе. Возможно и у человѣка приближеніе къ такой естественности. Конечно, состояніе такой брачной невинности съ трудомъ представимо» ¹⁾). Если мы вдумаемся въ отношеніе нашего нравственного сознанія къ проявленіямъ половой функціи, то увидимъ, что степень ихъ постыдности находится въ прямой связи со степенью ихъ неестественности. Чѣмъ свѣжѣе, цѣлостнѣе и неиспорченнѣе природа человѣка, тѣмъ благороднѣе его страстные порывы. Въ нихъ нѣтъ того болѣзненного, ядоносного придатка, который вноситъ въ душу и тѣло начало разложенія. Напротивъ, изможденная старческая страстность является чѣмъ-то противоестественнымъ и развратнымъ, издавая гнилостный запахъ. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что чувственность древ-

¹⁾ „Нов. Путь“, 1903 г., № 9, стр. 350.

нихъ грековъ была не только физически, но и морально здоровѣ нашей. «Эллинское искусство, говоритъ Рун, даетъ натуру не какъ постыдное и соблазняющее, а какъ невинное.—должное, какъ естественное и первоначальное. Дурныхъ страстей нѣтъ въ мраморахъ Греціи и Италіи, чада жизни нѣтъ въ нихъ, какъ отраженія. Это не суть существа пресыщенные, пьяныя, надшія, чего всего довольно въ оголенномъ искусствѣ нашего времени» ¹⁾. Равнымъ образомъ половая страстность юности, въ которомъ «какъ лава въ жилахъ льется кровь и какъ огонь въ крови горитъ любовь», благороднѣе и чище старческаго сладострастія. Чтобы понять это, достаточно сопоставить какогонибудь Свидригайлова, грезившаго малолѣтними дѣвочками, и Байроновскаго Донъ-Жуана. Въ то время какъ послѣдній, по выраженію поэта, «быть чистъ душою, хоть не тѣломъ, и думъ въ себѣ порочныхъ не таилъ», къ первому вполне приложимы слова: «развратникъ только льнетъ къ плодамъ незрѣлымъ, чтобъ возбуждать въ крови остывшій пылъ». Благодать, подаваемая человѣку въ таинствѣ брака, очищаетъ ощущеніе сладострастія, дѣлаетъ его болѣе нормальнымъ и здоровымъ, возводитъ въ состояніе первобытной естественности.

Вмѣстѣ съ грѣхонаденіемъ, и какъ его естественное слѣдствіе, явилось въ человѣческомъ организмѣ нѣкоторое ядовитое начало, отравившее всѣ эти функціи и въ особенности половую. Актъ размноженія, долженствующій быть прекраснѣйшимъ цвѣткомъ жизни, сдѣлался источникомъ болѣзней и различныхъ антиэстетическихъ измѣненій въ человѣческомъ тѣлѣ. Это стоитъ въ тѣсной связи съ уменьшеніемъ его естественности. Какъ только первые люди нарушили божественную заповѣдь, они тотчасъ же почувствовали «ущербъ, *изнеможение* и во всемъ ту краткую улыбку *увяданія*, что въ существѣ разумномъ мы зовемъ возвышенной стыдливостью страданія». И въ настоящее время мы дѣйствительно замѣчаемъ, что удовлетвореніе чувственности, собственно безпорядочное, вносить въ организмъ разстройство, сопровождается увяданіемъ красоты, свѣжести, граціозности. Особенно это нужно сказать о женщинахъ, — беременность сопровождается теперь многочисленными физическими страданіями, что первоначально не входило въ планы Творца. Слова: «въ болѣзняхъ родиши чада» были сказаны Евѣ послѣ грѣхонаденія и въ на-

¹⁾ „Нов. Путь“, 1903, № 1.

казаніе за него. Наконецъ, дѣторожденіе съ точки зрѣнія совершенной эстетики прямо безобразить женщину, портить ея формы настолько, что совершенно губить ея красоту. Какъ справедливо замѣчаютъ, беременная женщина невозможный сюжетъ для искусства. Правда анатомія беременности, какъ мы уже говорили, и въ состояніи невинности должна была бы остаться тою же. Но тогда она не казалась бы намъ прекрасною. По словамъ Рунъ «вмѣстѣ съ плодомъ познанія добра и зла въ человѣческій организмъ введенъ страшный алколоидъ, которымъ разрушены какіе-то центры въ нашемъ мозгу ¹⁾).

Такимъ образомъ, послѣ грѣхопаденія, вмѣстѣ съ утратою естественности въ отпращиваніи половой функціи, были внесены въ эту область болѣзненность и безобразіе, при чемъ послѣднее стало усматриваться въ нѣкоторыхъ явленіяхъ вслѣдствіе субъективныхъ причинъ, въ силу порчи нашего духовнаго ока вообще и эстетическаго вкуса въ частности. Сообразно съ этимъ благодать, подаваемая въ таинствѣ брака, съ одной стороны оздоравливаетъ актъ размноженія, съ другой возводитъ наши эстетическія сужденія къ высшему совершенству, осложняя и восполняя представленіе внѣшней пластической красоты понятіемъ симпатичнаго, милаго и привлекательнаго. Половое общеніе между супругами въ моногамическомъ бракѣ, введенное въ извѣстныя рамки, вполне здорово, не сопровождается расслабленіемъ ни тѣла, ни духа. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣдрахъ хорошей семьи, въ ея теплой любящей атмосферѣ изнеможеніе и увяданіе тѣлесной красоты близкихъ сердцу лицъ нисколько не уменьшаетъ ихъ привлекательности и не препятствуетъ питать къ нимъ нѣжныя чувства. Отсюда для мужа дорога безконечно и его беременная жена, какъ бы ни были далеки отъ идеала красоты ея формы, для матери нѣтъ никого лучше ея, больного, морщинистаго ребенка, для дѣтей и внуковъ прекраснѣе ихъ матери и бабушки-старушки, какими бы немощами онѣ ни обладали. Пословица «не по хорошу милъ, а по милу хорошъ» находитъ себѣ полное приложение въ семейной жизни. А скрѣпляющая супружескій союзъ любовь именно и вспомошествовается благодатію, даемою въ таинствѣ брака.

Наконецъ, значеніе моногамическаго брака, не только христіанскаго, но и всякаго вообще, выясняется изъ слѣдующаго

¹⁾ „Міръ Искусства“, № 5, стр. 153.

соображенія. Если бы люди предавались сладострастью безъ всякаго удержа, то количество зла и страданій въ міръ возрасло бы до невѣроятныхъ предѣловъ. Физическое и нравственное вырожденіе, всевозможныя болѣзни, изнасилованія, обольщенія, самоубійства покинутыхъ дѣвушекъ и дѣтоубійства—сдѣлались бы обычнымъ явленіемъ. Въ предчувствіи возможности всего этого человѣчество относится къ половой области въ высшей степени осторожно. Оно разрѣшаетъ удовлетвореніе полового инстинкта лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы оно совершалось въ извѣстныхъ формахъ и границахъ. Чѣмъ болѣе эти послѣднія гарантируютъ половое общеніе отъ вредныхъ послѣдствій, тѣмъ менѣе общественное моральное сознаніе находитъ въ немъ дурныхъ элементовъ. Брачный союзъ, въ которомъ мужчина соединяется на всю жизнь съ одной женщиной, принимая на себя заботу о ней и объ имѣющихъ произойти дѣтяхъ, создаетъ такія условія, при которыхъ удовлетвореніе половой потребности является наиболѣе здоровымъ и безопаснымъ. Отсюда совокупленіе въ бракъ обыкновенно признается почти вполне чистымъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго мы получаемъ возможность отвѣтить на вопросъ: какимъ образомъ христіанскій бракъ можетъ освящать половыя отношенія, если они сами по себѣ дурны. Плотское вождельіе не безусловно безнравственно, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ могутъ быть названы этимъ именемъ проявленія злобы, ненависти и жестокости. Оно чисто по своей идеѣ и соединенное съ нею ощущеніе сладостности является показателемъ этой чистоты. Но оно извращено въ грѣховномъ человѣкѣ и заключаетъ въ себѣ въ настоящее время такъ много болѣзненныхъ, вредныхъ и опасныхъ элементовъ, что человѣчество вынуждается видѣть въ сладострастїи нѣчто постыдное и злое. Задача христіанскаго брака, какъ таинства, состоитъ въ томъ, чтобы возстановить состояніе первобытной невинности и сдѣлать половой актъ такимъ же чистымъ, какимъ онъ былъ до грѣхопаденія. Это не значить, какъ думаетъ іеромонахъ Михайлъ, будто въ супружествѣ долженъ погаснуть огонь страстности, будто даже самое совокупленіе должно превратиться въ механическій актъ, не сопровождающійся никакимъ психическимъ аффектомъ. Нѣтъ,—это значить только то, что въ христіанскомъ бракѣ сладострастїе должно претворяться, облагораживаться и очищаться отъ внесенныхъ въ него грѣховъ смердящихъ примѣсей. Прїятность его чрезъ

это нисколько не уменьшится, а наоборотъ еще болѣе увеличится. Но, конечно, благодать, подаемая въ таинствѣ для этой цѣли не можетъ дѣйствовать механически и принудительно. Она «не есть магическая сила, которая навсегда исключаетъ всякій грѣховный корень въ человѣкѣ». Въ бракѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ таинствахъ, къ дѣйствию благодати должна присоединиться свобода человѣка. Онъ самъ съ своей стороны при божественной помощи долженъ стремиться къ тому, чтобы сдѣлать свой супружескій союзъ чистымъ и невиннымъ, внутреннимъ усиліемъ воли подавляя въ немъ все то, что имѣетъ характеръ постыдный и вредный. По справедливому замѣчанію Вл. Соловьева «въ истинномъ бракѣ естественная половая связь не уничтожается, а пресуществляется, но пока это пресуществленіе еще не стало фактомъ, оно есть нравственная задача и элементы естественнаго полового отношенія суть данныя этой задачи».

Если мы примемъ во вниманіе то, что благодать, получаемая въ таинствѣ брака, не дѣйствуетъ магически и принудительно, и что люди съ своей стороны никогда въ *полной мѣрѣ* не идутъ ей на встрѣчу, то поймемъ, почему христіанская церковь съ одной стороны, учитъ о томъ, что «бракъ честенъ и ложе нескверно», а съ другой ставитъ дѣвство выше супружества. Съ идеальной точки зрѣнія христіанскій бракъ не ниже дѣвства, такъ какъ въ немъ не должно быть того, что заставляетъ наше нравственное сознаніе отрицательно относиться къ сладострастью. Но фактически въ немъ не все *до дна* чисто, остается нѣкоторая примѣсь грѣховности. Въ состояніи невинности половая жизнь человѣка должна быть свободна отъ элементовъ противоестественности, болѣзненности, возобладавшаго надъ духомъ и опасности для альтруизма. Въ бракѣ эти элементы все же остаются, хотя и сводятся къ *minimum'у*. Вотъ эта-то невозможность при данномъ состояніи человѣческой природы возвратиться въ бракѣ къ первобытному чистому сладострастью, эта примѣсь къ половому акту грѣховности даже и въ супружескомъ союзѣ и заставляетъ считать полное цѣломудріе дѣвства выше брака. Отсюда чрезъ всю исторію древней церкви и всѣ святоотеческія творенія красною нитью проходитъ идея о превосходствѣ дѣвства надъ супружествомъ. Дѣвство представляется ангельскимъ состояніемъ, окружается нимбомъ чистоты и святости, вызываетъ общее религіозное восхищеніе. Наоборотъ, въ брачномъ сожительствѣ, хотя бы

оно и было освящено таинствомъ, всегда остается нѣкоторая грѣховная сторона, нѣчто такое, чего слѣдуетъ стыдиться и что нуждается въ ощущеніи совѣсти. Это *нѣчто* есть именно тѣ привнесенные грѣхомъ въ половой актъ элементы разложенія, о которыхъ мы уже неоднократно говорили и которые только уменьшаются, но не совершенно уничтожаются въ христіанскомъ бракѣ. Если же на встрѣчу благодати, въ полной мѣрѣ шла бы человѣческая свобода, если бы и съ своей стороны люди дѣлали все, чтобы возвратиться въ состояніе первобытной невинности, то сладострастіе въ бракѣ очистилось бы отъ явившихся по грѣхопаденіи ядоносныхъ элементовъ и супружескій союзъ сталъ бы вполнѣ равноцѣннымъ дѣвству.

П. Левитовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки